

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Научная статья

УДК 008

doi: 10.20323/1813-145X-2021-5-122-195-202

Феномен постправды в историко-культурном горизонте и контексте диалогии

Евгений Анатольевич Ермолин

Доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики и книжного дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1
aisisish@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9249-4551>

Аннотация. В статье рассматривается характерный для современной культуры феномен постправды как рефлекса ментальных процедур, связанных с ориентацией человека в современном мире, и геттоизированного коммуникативного процесса, в котором личные убеждения и групповые интерпретации играют более значимую роль, чем факты, сколь угодно тщательно мотивированные, но идущие вразрез с предубеждениями. В связи с этим фиксируется, что такого рода культурная практика приводит к замыканию сознания и опыта в смысловой, ментальной капсуле. Подчеркивается, что культура постправды не отвергает при этом истину как таковую, но трактует ее произвольно, как личный или групповой идефикс. Природа постправды не обязательно связана с технологиями манипуляции сознанием массы или с чисто эмотивным отношением человека к фактам бытия, как подчас считается. У этого явления есть фундаментальные историко-культурные предпосылки. Логика постправды является несовершенной попыткой ответа на развернувшийся в XX в. и достигший кульминации в наше время кризис очевидностей, она связана с архаизацией сознания, не справляющегося с грузом актуальных проблем.

Феномен постправды выражается в таком способе мироориентации человека, когда абсолютизируется точка зрения, которая маркируется либо как личная, либо как объединяющая членов солидарного сообщества, часто своего рода замкнутого социокультурного гетто. Возможное направление выхода за пределы такой замкнутости видится в диалогической практике (диалогике), охарактеризованной В. С. Библером. Подчеркивается важность для продуктивной самодетерминации личности в современном мире воспитания и тренировки навыка внутренней дискуссии с самим собой при исходном допущении возможности разных «логик культуры», разных позиций и взглядов.

Ключевые слова: постправда, ментальная капсула, манипуляция, эмотивность, архаизация, кризис очевидностей, диалогика, самодетерминация

Для цитирования: Ермолин Е. А. Феномен постправды в историко-культурном горизонте и контексте диалогии // Ярославский педагогический вестник. 2021. № 5 (122). С. 195-202. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-195-202>.

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, ART

THEORETICAL ASPECTS IN STUDYING CULTURAL PROCESSES

Original article

Phenomenon of post-truth in the historical and cultural horizon and the context of dialogics

Evgeny A. Ermolin

Doctor of culturology, professor, head of the department of journalism and book affairs, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1
aisisish@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9249-4551>

© Ермолин Е. А., 2021

Abstract. The article examines the phenomenon of post-truth, characteristic of modern culture, as a reflex of mental procedures related to the orientation of a person in the modern world, and a ghettoized communicative process in which personal beliefs and group interpretations play a more significant role than facts, however carefully motivated, but going against prejudices. In this regard, it is recorded that this kind of cultural practice leads to the closure of consciousness and experience in a semantic, mental capsule. It is emphasized that the culture of post-truth does not reject the truth as such, but interprets it arbitrarily, as a personal or group idexif. The nature of post-truth is not necessarily connected with the technologies of manipulating the consciousness of the masses or with a purely emotive attitude of a person to the facts of existence, as is sometimes believed. This phenomenon has fundamental historical and cultural prerequisites. The logic of post-truth is an imperfect attempt to respond to the crisis of evidence that unfolded in the twentieth century and culminated in our time, it is associated with the archaization of consciousness that cannot cope with the burden of current problems. The phenomenon of post-truth is expressed in such a way of a person's world orientation, when a point of view is absolutized, which is marked either as personal or as uniting members of a solidary community, often a kind of closed socio-cultural ghetto. The possible direction of going beyond such isolation is seen in the dialogic practice (dialogics) described by V. S. Bibler. The article emphasizes the importance for productive self-determination of the individual in the modern world of education and training of the skill of internal discussion with oneself, with the initial assumption of the possibility of different «cultural logics», different positions and views.

Keywords: post-truth, mental capsule, manipulation, emotivity, archaization, crisis of evidence, dialogics, self-determination

For citation: Ermolin E. A. Phenomenon of post-truth in the historical and cultural horizon and the context of dialogics. *Yaroslavl pedagogical bulletin*. 2021;(5):195-202. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2021-5-122-195-202>.

Введение

К концу XX в. культура приобрела новое качество как если бы разом открылись многочисленные окна в разные сферы интерпретации реальности. Однозначность готовых истин перестает восприниматься как культурная норма; ей на смену приходит видение ситуации в аспектах незавершенности, многозначности, релятивности. Общепринятая истина потеряла ценность и значимость в глазах современника. В толковании В. С. Библера это создает предпосылки для персональной стратегии, реализующей при творческой самодетерминации личности диалог культур, диалогике. Однако в гораздо более распространенной практике социальных коммуникаций возникают тревожные и, пожалуй, даже опасные для судеб культуры симптомы, связанные с эффектом постправды, которая как модус миропредставления приобрела если не законодательную силу, то характер массового вирусного поветрия. Они заслуживают тщательного осмысления с опорой на труды философов и культурологов XX в., размышлявших о ментальных парадоксах эпохи и средствах личностного роста нашего современника.

Методы исследования

Для достижения целей исследования использовались элементы историко-культурного метода, систематизация, культурософская рефлексия относительно предмета исследования. В работе актуализированы теоретико-методологические подходы к изучению современной культуры А. С. Ахиезера, Н. А. Бердяева, В. С. Библера,

А. Гениса, Г. Ч. Гусейнова, Г. Франкфурта, Ф. Эве и др.; идеи современных исследователей феномена постправды.

Результаты исследования

В поиске корней феномена постправды: версии и идеи

В самом простом определении феномен постправды выражается в таком способе ориентации современного человека в мире, когда он абсолютизирует точку зрения, которая маркируется как солипсическая («личная», исходящая из того, что только мой культурный бэкграунд обладает несомненной достоверностью) [Гусейнов, 2010] или как объединяющая членов солидарного, часто самозамкнутого сообщества (культурного гетто). При этом происходит отказ принять в качестве истины суждение о мире, не совпадающее с этой точкой зрения, а в качестве нормы – традиционную практику установления истины путем или апелляции к признанным внешним авторитетам, или дискуссии между оппонентами с разными взглядами на предмет, имеющей целью здоровый консенсус.

Способ приобретения такой точки зрения может быть каким угодно, но он так или иначе опирается на принцип избирательности человеческого опыта, более чем понятной в современном мире неочевидных концов и начал.

Из сказанного ясно, что культура постправды не отвергает истину как таковую, но трактует ее довольно произвольно, как личный или групповой идефикс. Поэтому едва ли можно вполне со-

гласиться со следующим суждением: «Префикс “post” стали применять к слову truth (“истина”) <...> в смысле “за гранью правды”, “безотносительно к истине» [Эйдельман, 2016]. Зерно истины в этом соображении связано с критическим модусом современного сознания как ментальной нормой, с интенцией недоверия к инстанциям, иерархиям, любому и всякому внешнему конвою. Это недоверие действительно создает питательную почву для постправды.

В другом ракурсе постправду нередко воспринимают как детище пропагандистской манипуляции. Манипулятивный контекст ситуации (скажем, в войнах памяти) многократно осмыслен и в деталях описан по модели следующего типа: «Вброс отдельных интерпретаций в публичное информационное пространство и их проникновение в общественное сознание сопровождаются появлением управляющих маркеров-маршрутизаторов – фейков, выдаваемых за проверенные новости; домыслов и слухов, выдаваемых за версии; авторитетных мнений известных “экспертов”, “модных” блогеров и журналистов, отвечающих за точную доставку “постправды” в коллективное сознание конкретных целевых аудиторий и индивидуальное сознание каждого их члена в отдельности» [Манойло, 2020].

В этом контексте природу постправды иногда связывают с сугубо эмотивным отношением к реальности, с логикой партиципации и эффектами, порождающими ажиотажный интерес или лихорадочное возбуждение. В оценке философа В. Емелина, «постправда стала универсальным оправданием любого радикального или просто безумного акта, поскольку не требовала, помимо эмоциональной убежденности ее носителя, какого-либо обоснования» [Емелин, 2019].

Манипуляции эмоциями являются, в общем, давним приемом пропаганды. С другой стороны, работа с эмоциями аудитории может иметь чисто рыночную цель. По словам рассуждавшего о постправде философа Ф. Эве, «“Правда” превращается в “фейк”, продукт-симулякр, который моделируется исходя из запросов аудитории. Достоверность информации оказывается вторичной – важны переживания, эмоциональная характеристика. Такой “товар” легче продается-покупается на современном медиарынке» [Голубицкая, 2017].

Однако в феномене постправды есть и специфическая рациональность, заслуживающая отдельного осмысления (в значительной степени, можно предположить, описанная на совсем дру-

гом материале К. Леви-Стросом как аналитиком мифологического мышления).

Следует учесть и доминанты современной коммуникации, тяготеющей к избирательности геттоистского свойства. По мнению А. Ю. Гарбузняк, «девальвация факта при одновременном росте влияния сетевых сообществ (где позиция, как правило, доминирует над фактом) является базовым условием для возникновения феномена постправды. Личные убеждения граждан становятся все более опосредованы коммуникацией внутри сообществ единомышленников» [Гарбузняк, 2019, с. 189]. Постправда становится плодом ментальных процедур и геттоизированного коммуникативного процесса, в котором личные убеждения и групповые интерпретации играют более значимую роль, чем факты, сколь угодно тщательно мотивированные, но идущие вразрез с предубеждениями. Человек замыкается в ментальной капсуле.

Это капсулирование можно соотнести с описанной А. С. Ахиезером архаизацией культурного опыта. Он определял архаизацию как «результат следования субъекта культурным программам, которые исторически сложились в пластах культуры, сформировавшихся в более простых условиях и не отвечающих сегодня возрастающей сложности мира, характеру и масштабам опасностей» [Ахиезер, 2001, с. 89]. Архаизация понимается им как регресс, как попытка полностью или частично вернуться к формам культуры и деятельности, где отношения основаны на эмоциях людей, чей кругозор ограничивался лично знакомыми членами локального сообщества, не знавшими развития как культурной ценности.

Кризис очевидностей как историко-культурная предпосылка рефлексов постправды

Однако налицо не просто рецидив архаики. Речь нужно вести об остром симптоме вполне актуального кризиса, имеющего внешние признаки сходства с ситуацией далекого прошлого. Но нельзя видеть здесь и некую новейшую порчу нравов, противопоставляя ситуацию благородной старине. По Б. Перес Куриэль, «эпохи правды никогда не существовало», а считать иначе – это создавать новый миф о старом добром золотом веке [Перес Куриэль, 2018].

Приставка «пост» обычно предполагает, что явление, прежде имевшее значимость, ее потеряло. Однако исторически описанная культурная позиция, специфический монологический дискурс, культурный солипсизм индивидуального

или группового характера не может считаться новостью в полном смысле. Она ассоциируется в культуре с критикой авторитетов и с предвзятостью сект. Но в иерархической культуре, обладавшей неотменимым, авторитетным запасом аксиоматически надежных истин, ей были отведены пределы, она была ограничена в легитимности. При конкретно-историческом подходе трудно не согласиться с тем, что в прежние времена истина обычно была задана господствующими нарративами эпохи и ее генеральным трансцензусом; у нее имелось самоочевидное основание. Критический подход к этой предзаданной аксиоматике культуры прежде был скорее исключением, чем правилом. Зачастую он к тому же репрессивно искоренялся, а на отечественной почве такого рода практика не может считаться окончательно преодоленной даже в XXI в., принимая вид узаконенной борьбы «против экстремизма», с «оскорблением чувств» или «символов власти».

В прошлом вопрос проблематизировался в некоторых случаях по конкретным поводам. Существенный момент такого рода в истории русской культуры связан с инициативой авторов сборника «Вехи» (1909). Так, Н. А. Бердяев отмечал индифферентность русской интеллигенции к истине, что само по себе выглядело парадоксом, поскольку истина, согласно расхожему пониманию, и должна была определять интеллигентские образ жизни и способ понимания реальности. Однако воля к истине, по Н. А. Бердяеву, оказалась парализована, закрыта абсолютизированной и понятой прагматически и догматически «правдой», «любовью к уравнительной справедливости, к общественному добру, к народному благу» [Бердяев, 1990, с. 8] в ситуации «кружковщины», добровольно принятого культурного геттоизма в нездоровой социальной среде.

Это означало, что ввиду инертности мысли и консервативности чувств орган общественного мышления, интеллигенция, отчасти некритично унаследовала и практикует авторитарный подход к истине, отождествляя ее с теми социальными и культурными постулатами, которые сложились в ее кругу, и избегая их верификации. Авторы «Вех» призывали интеллигенцию открыться дискуссионным практикам и жизненным стилям, философской культуре. Но этот призыв был услышан не сразу и не всеми.

В контексте рассуждений Н. А. Бердяева и перебрасывая от них мостик в наше время, было бы логично произвести терминологическую замену

и назвать определяемый феномен «постистиной» [Фуллер, 2021; Бочарников, 2016]; но мы здесь ограничимся этой оговоркой, оставляя в работе более привычное понятие «постправда».

В широкой историко-культурной ретроспективе предпосылкой, вызвавшей распространённость эффектов постправды в новейшей культуре, является кризис общезначимых истин как таковых, утрата в современном мире многих привычных очевидностей. В истоке этот перманентный духовный кризис связан с оскудением веры в высшие ценности, в сверхреальность, а как следствие – и в здешнюю, наличную реальность как в нечто надежное и подлинное. Раскрылся провал в пустоту, черный квадрат небытия, который нечем прикрыть, нечем заполнить, который получил яркие выражения в искусстве и философии уже 2-й половины XIX и начала XX в.

Успех феномена постправды связывают с тем, что фантазмы художников и идеи кабинетных мыслителей пошли в массы, овладев ими, и стали к тому же инструментом пропаганды, направленной на целые общества и пользующейся новейшими средствами трансляции информации, обеспечивающими успех хорошо приготовленной на кухне фейков абракадабры. Эссеист А. Генис характерным образом рассуждал: «Когда передовые философы окончательно пришли к выводу, что правды нет, они имели в виду истину. Зная о тщетности любых попыток открыть истинную реальность, они отказались от этого пути вовсе. Сперва казалась, что от этой замены никто, кроме студентов, ничего не потерял. Но после того, как постмодернизм вызрел в повсеместную политическую практику, мы с ужасом наблюдаем деградацию правды и унижение факта» [Генис, 2018].

Н. А. Бердяев, порицая интеллигенцию, исходил из онтологичности истины. В современном опыте общезначимая истина часто проблематизировалась как таковая, причем не у философов, а повсеместно. По словам А. Ефимова, «философские дебаты об относительности истины и о множественности интерпретаций как минимум полвека были уделом немногих интеллектуалов. Выражение «это какой-то постмодернизм» фактически означало «это какая-то отвлеченная чушь и словоблудие». Однако теперь это уже вопрос не только эпистемологии, а самой что ни на есть текущей политики и прикладной социологии. Люди, которые понятия не имеют о Жан-Франсуа Лиотаре, Мишеле Фуко, Ролане Барте, Жане Бодрийере, оказались в описанной ими

вселенной – вселенной, в которой Бог умер, автор умер, нет больше ничего абсолютного, а вместо одной на всех истины – множество правд, равноправных с точки зрения общественного мнения» [Ефимов, 2016].

Обнуление очевидностей заставляло воспринимать внешнюю, вещную реальность как мнимость, подчас как злонамеренный (идеологический) обман. В социальной действительности пропадают определенность и полнота соответствия внешнего внутреннему, сути и видимости. Общество миражирует, как кажется, все безнадежней погружаясь в сны, все более причудливые и часто кошмарные. Онтологический кризис не мог не сопровождаться изменением представлений о сущности человека: при общей редукции веры возникали вопросы и насчет качества и ценности личности. Общая логика возможных ответов вела к прогрессирующей проблематизации основных атрибутов человеческого бытия (душа, разум; социальные статусы) [Ермолин, 1996, с. 6-8].

Метафизическая редукция запускала различные процессы, которые в совокупности создали непрочный мир, лишенный надежных гарантий, где размах и заразительность манипуляций истинными вызывают встречную реакцию притяжения и неприятия, так что любая декларируемая истина может вызвать к себе и приятное, и критическое, скептическое, циничное отношение. С этим связана, например, огромная распространенность в современном мире конспирологических идей и теорий (согласно мнению Микаэля Дикона, теории заговоров успокаивают, фиксируя, что наши проблемы не наша вина, а во всем виноваты истеблишмент, массмедиа, новый мировой порядок и сионисты [Deason, 2016]). Впрочем, и сам гиперкритицизм может оказаться приемом постправды.

Среди явлений эпохи, предьявляющих и синхронно подчас анализирующих симптоматику постправды, – медиаверсии исторических и свежих событий, квазиисторические фейки на разной основе, в том числе документальные киномистификации (фильмы в жанре «мокьюментари»), пропагандистские телешоу, пестрые рефлексии блогосферы и пр. В совокупности это дает ощущение неизбежного последствия той свободы от принуждения к вере, которой отличается современный социум.

Сложившийся таким образом взгляд обычно обладает качеством непреложности и закрывает горизонт опыта и дискуссии. Извне он может

восприниматься как истинный или ложный или частично истинный и частично ложный, но для его обладателя он представляет собой истину в последней инстанции, даже если в истоке такую истину предрешили скудность опыта, каприз вкуса, застарелые заблуждения, привычные предрассудки, выученные назад школьные уроки и пронафталиненные семейные наставления, а также матричные схемы регулярно инфицирующей сознание пропаганды.

Специфика реализации постправды на практике такова, что уже исходно исключает альтернативу и не позволяет произвести «исправление ошибок», преодолеть заблуждения. Ошибки и заблуждения просто не замечаются, не осознаются как таковые. Сложившееся миропредставление наделено всеми свойствами мифа, неподвластного как предмет веры научной критике. Таковы, к примеру, ситуативно живучие мифы о гомеопатии, ГМО, эффективном менеджере Сталине и т. п., бесконечно муссируемые зараженным ими сознанием, игнорирующие указания на несоответствие мифа факту.

Диалогика – ресурс преодоления ментального капсулирования

По мысли рассуждавшего о постправде О. Бочарникова, «если стандарты критического мышления не работают в обществе в целом, их можно применить в своей индивидуальной жизни» [Бочарников, 2016]. Однако проблематизм критической работы с постправдой в таком монологическом режиме был очерчен уже философом Г. Франкфуртом в эссе 2005 г. «О брехне» (*On Bullshit*). Сопоставив истинность и искренность как два целеполагания человека и исходя из того, что человеческая природа сегодня «ускользающая, бестелесна, она куда менее тверда и незыблема, чем природа всего остального», Франкфурт фиксировал: «Если раньше человек стремился представить некую точную картину мира, общего для всех, то теперь он старается лишь честно выразить самого себя. Убежденный в отсутствии у действительности какой-либо внутренней природы, отождествимой с истиной, он всецело отдался попыткам выражения собственной природы. Человек как будто решил: раз уж верность фактам лишена смысла, надо быть верным себе».

Впрочем, было бы нелепо вообразить, будто нам самим присуща определенность и что, следовательно, нас можно описать истинно или ложно, – при том что мы же сами заклеили как ошибку приписывание вообще чему бы то ни

было свойства определенности. Мы – существа, движимые сознанием. Наше существование – лишь реакция на факты вне нас: мы не сможем познать себя, не познав их. Более того, ничто ни в теории, ни тем более на практике не подтвердило весьма странного утверждения, будто человеку «легче всего дается правда о самом себе». Вот именно «факты о себе» первыми легко рассыпаются под устремленным на них скептическим взглядом» [Франкфурт, 2008].

Это не означает, однако, что не могут работать диалогические механизмы культуры, преодолевающие капсульно-атомарную статику сознания, на которой базируется постправда, и настраивающие процесс установления истины в диалогическом режиме. И. С. Шушпанова очерчивает два вектора «пресечения распространения культуры «постправды»: «стратегия усиления цензуры и контроля за информацией» (с ущемлением прав и свобод граждан, угрозой демократии и становлением авторитарных режимов) – и более, по ее мнению (с которым можно согласиться), желательное «формирование политической культуры противостояния “постправде”, консолидация и оптимизация усилий гражданского общества, государства, средств и источников распространения информации, компаний, занятых в сфере цифровых технологий» [Шушпанова, 2018].

Продуктивный ресурс работы с вирусом постправды, думается, заключается в том, чтобы сменить (прибегнем к определениям В. С. Библера) монологику на диалогику [Библер, 1975, с. 69].

Медиаэксперт М. Корнев справедливо констатирует, что «культуру нельзя изменить тренингами или директивами <...> Нужно постепенно объяснять людям, почему важно объективной информации доверять и сравнивать источники <...> должны быть качественные медиа, поставщики информации, нормальный здоровый рынок» [Носович, 2018].

Едва ли этот путь обещает быстрый успех. Апелляция к фактам сама по себе часто не слишком эффективна, для людей более важны «альтернативные факты» постправды. Факты, не вписывающиеся в нарратив «постправды», легко отвергаются [Barreга Rodriguez, 2019]. По логике же В. С. Библера, речь идет о том, чтобы не столько передавать готовые знания, сколько воспитывать и тренировать навык диалогической беседы с самим собой. «Библеровская» беседа исходно принимает, допускает возможность разных «логик культуры», разных позиций и взглядов.

Тренируемая способность к внутренней дискуссии, спору с самим собой в ситуации культурного «раздрая» – путь к зрелой самодетерминации личности.

Заключение

Рассмотрев феномен постправды в историко-культурном горизонте и определив в связи с этим приоритетные направления его понимания и работы с ним, можно сделать следующие выводы:

– Культурная практика, связанная с рефлексивными постправдами, приводит к замыканию сознания и опыта в смысловой, ментальной капсуле, когда абсолютизируется точка зрения, которая маркируется либо как личная, либо как объединяющая членов солидарного сообщества, часто своего рода замкнутого социокультурного гетто.

– Культура постправды не отвергает при этом истину как таковую, но трактует ее произвольно, как личный или групповой идефикс.

– Природа постправды не обязательно связана с технологиями манипуляции сознанием массы или с чисто эмотивным отношением человека к фактам бытия.

– Практика постправды является несовершенной попыткой ответа на развернувшийся в XX в. и достигший кульминации в наше время кризис очевидностей.

– Практика постправды связана с архаизацией сознания, не справляющегося с грузом актуальных проблем.

– Монологически, за счет абсолютизации личного противостояния трендам эпохи, ситуация постправды в полной мере неразрешима ввиду некоторых особенностей современного человека, проблематизирующих такое сопротивление (Г. Франкфурт); также не всегда работают цензурные и объяснительные технологии работы эксперта с обществом.

– Развитие и использование идеи диалогической практики (диалогики), охарактеризованной В. С. Библером, в новом контексте является продуктивным средством выхода за пределы ментальной замкнутости, борьбы с капсулированием сознания и связанных с ним культурных практик.

Библиографический список

1. Ахиезер А. С. Архаизация общества как методологическая проблема // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 89-100.
2. Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи: сборник статей о русской интеллигенции. Москва: Международная ассоциация деятелей культуры «Новое время» и журнал «Горизонт», 1990. С. 1-22.

3. Библер В. С. Мышление как творчество. Москва : Политиздат, 1975. 399 с.
4. Бочарников О. Как жить в эпоху постправды // Newtonew. 09.12.2016. URL: <https://newtonew.com/science/post-truth-and-its-discontents> (Дата обращения: 03.03.2021).
5. Гарбузняк А. Ю. Феномен постправды: девальвация факта в медийном дискурсе // Знание. Понимание. Умение. 2019. № 1. С. 184-191.
6. Генис А. Постправда. Философия информационной войны // Новая газета. 2 февраля 2018. № 11.
7. Голубицкая А. Постправда и «топосы правды» [беседа с Франсуа Эве] // Православная жизнь. 05.09.2017. URL: <https://pravlife.org/ru/content/postpravda-i-toposy-pravdy> (Дата обращения: 03.03.2021).
8. Гусейнов Г. По моей встрече. О языке бытовых солипсистов // Lenta.ru. 17.06. 2010. URL: <https://lenta.ru/columns/2010/06/17/solus/> (Дата обращения: 03.03.2021).
9. Емелин В. Куда нас приведет болезненная степень бессмысленности. Симулякры постнормального мира // Независимая газета. 23.09.2019.
10. Ермолин Е. А. Материализация призрака. Ярославль : ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 1996. 144 с.
11. Ефимов А. Платон мне друг, но истины не надо. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/11/21/post-truth-world> (Дата обращения: 03.03.2021).
12. Ищенко Н. Правда + ложь = постправда // День. 2018. № 56-57. URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/media/pravda-lozh-postpravda> (Дата обращения: 03.03.2021).
13. Манойло А. «Постправда» как социальное явление и политическая технология / А. Манойло, А. Попадюк // Международная жизнь. 2020. № 8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2388> (Дата обращения: 03.03.2021).
14. Носович А. «Иногда и пропаганда бывает полезной»: что свергает мир в эпоху постправды [беседа с М. Корневым] // Насправді. 01.09.2018. URL: <http://naspravdi.info/novosti/inogda-i-propaganda-byvaet-polezna-chto-vvergaet-mir-v-epohu-postpravdy> (Дата обращения: 03.03.2021).
15. Перес Куриэль Б. Постправда – это правда в его глазах // Гефтер. 12.03.2018. URL: <http://gefter.ru/archive/24281> (Дата обращения: 03.03.2021).
16. «Политика постправды» и популизм / под ред. О. В. Поповой. Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2018. 216 с.
17. Франкфурт Гарри Г. К вопросу о брехне: логико-философское исследование (On bullshit) / пер. с англ. М. Ослона. Москва : Европа, 2008. 120 с. URL: https://royallib.com/book/frankfurt_garri/o_brehne_logik_ofilosofskoe_issledovanie.html (Дата обращения: 03.03.2021).
18. Фуллер С. Постправда: Знание как борьба за власть / пер. с англ. Д. Кралечкина ; под науч. ред. А. Смирнова. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 368 с.
19. Шушпанова И. С. «Постправда» в социальной реальности: риски и угрозы // Социологические исследования. 2018. № 12. С. 94-104. URL: <http://socs.isras.ru/article/7464> (Дата обращения: 03.03.2021).
20. Эйдельман Д. «Постправда» – слово года // РеЛевант. Портал актуальной аналитики. 02.12.2016. URL: <https://relevantinfo.co.il/post-truth/> (Дата обращения: 03.03.2021).
21. d'Ancona Matthew. Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back. London : Ebury Press, 2017. 176 p.
22. Ball James. Post-Truth: How bullshit conquered the world. London : Biteback Publishing: 2017. 207 p.
23. Barrera Rodriguez O. Facts, Alternative Facts, and Fact Checking in Times of Post-Truth Politics (July 1, 2019) / O. Barrera Rodriguez, S. Guriev, E. Henry, E. Zhuravskaya // Journal of Public Economics. Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=3004631> (Дата обращения: 03.03.2021).
24. Davis Evan. Post-Truth: why we have reached peak bullshit and what we can do about it. New York : Little, Brown, 2017. 368 p.
25. Deacon Michael. In a world of post-truth politics, Andrea Leadsom will make the perfect PM // The Telegraph (09.07.2016). URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/07/09/in-a-world-of-post-truth-politics-andrea-leadsom-will-make-the-p/> (Дата обращения: 03.03.2021).
26. Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (Дата обращения: 03.03.2021).

Reference list

1. Abiezer A. S. Arhaizacija obshhestva kak metodologicheskaja problema = Archaization of society as a methodological problem // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2001. № 2. S. 89-100.
2. Berdjaev N. A. Filosofskaja istina i intelligentskaja pravda = Philosophical truth and intellectual truth // Vehi : sbornik statej o russkoj intelligencii. Moskva : Mezhdunarodnaja asociacija dejatelej kul'tury «Novoe vremja» i zhurnal «Gorizont», 1990. S. 1-22.
3. Bibler V. S. Myshlenie kak tvorcestvo = Thinking as creativity. Moskva : Politizdat, 1975. 399 s.
4. Bocharnikov O. Kak zhit' v jepohu postpravdy = How to live in the post-truth era // Newtonew. 09.12.2016. URL: <https://newtonew.com/science/post-truth-and-its-discontents> (Дата obrashhenija: 03.03.2021).
5. Garbuznjak A. Ju. Fenomen postpravdy: deval'vacija fakta v medijnom diskurse = Post-truth phenomenon: devaluation of fact in media discourse // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2019. № 1. S. 184-191.
6. Genis A. Postpravda. Filosofija informacionnoj vojny = Post-truth. Philosophy of information war // Novaja gazeta. 2 fevralja 2018. № 11.

7. Golubickaja A. Postpravda i «toposy pravdy» [beseda s Fransua Jeve] = Post-truth and «topos of truth» [conversation with Francois Ewe] // Pravoslavnaia zhizn'. 05.09.2017. URL: <https://pravlife.org/ru/content/postpravda-i-toposy-pravdy> (Data obrashhenija: 03.03.2021).
8. Gusejnov G. Po moej vstrechke. O jazyke bytovyh solipsistov = On my oncoming lane. About the language of domestic solipsists // Lenta.ru. 17.06. 2010. URL: <https://lenta.ru/columns/2010/06/17/solus/> (Data obrashhenija: 03.03.2021).
9. Emelin V. Kuda nas privedet bolezennaja stepen' bessmyslennosti. Simuljakry postnormal'nogo mira = Where we will be led by a painful degree of meaninglessness. Simulations of the postnormal world // Nezavisimaja gazeta. 23.09.2019.
10. Ermolin E. A. Materializacija prizraka = Materialization of the ghost. Jaroslavl': JaGPU im. K. D. Ushinskogo, 1996. 144 s.
11. Efimov A. Platon mne drug, no istiny ne nado = Plato is my friend, but I don't need the truth. URL: <https://nplus1.ru/material/2016/11/21/post-truth-world> (Data obrashhenija: 03.03.2021).
12. Ishhenko N. Pravda + lozh' = postpravda = Truth + lies = post-truth // Den'. 2018. № 56-57. URL: <https://day.kyiv.ua/ru/article/media/pravda-lozh-postpravda> (Data obrashhenija: 03.03.2021).
13. Manojlo A. «Postpravda» kak social'noe javlenie i politicheskaja tehnologija = Post-truth» as a social phenomenon and political technology / A. Manojlo, A. Popadjuk // Mezhdunarodnaja zhizn'. 2020. № 8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2388> (Data obrashhenija: 03.03.2021).
14. Nosovich A. «Inogda i propaganda byvaet polezna»: chto vvergaet mir v jepohu postpravdy [beseda s M. Kornevym] = «Sometimes propaganda is useful»: what plunges the world into the post-truth era [conversation with M. Kornev] // Naspravdi. 01.09.2018. URL: <http://naspravdi.info/novosti/inogda-i-propaganda-byvaet-polezna-chto-vvergaet-mir-v-epohu-postpravdy> (Data obrashhenija: 03.03.2021).
15. Peres Kurijel' B. Postpravda – jeto pravda v ego glazah = Post-truth is the truth in his eyes // Gefter. 12.03.2018. URL: <http://gefter.ru/archive/24281> (Data obrashhenija: 03.03.2021).
16. «Politika postpravdy» i populizm = Post-truth politics» and populism / pod red. O. V. Popovoj. Sankt-Peterburg : Skifija-print, 2018. 216 s.
17. Frankfurt Garri G. K voprosu o brehne: logiko-filosofskoe issledovanie = On the question of malarkey: a logical and philosophical study (On bullshit) / per. s angl. M. Oslona. Moskva : Evropa, 2008. 120 s. URL: https://royallib.com/book/frankfurt_garri/o_brehne_logik_ofilosofskoe_issledovanie.html (Data obrashhenija: 03.03.2021).
18. Fuller, S. Postpravda: Znanie kak bor'ba za vlast' = Post-truth: Knowledge as a struggle for power / per. s angl. D. Kralechkina ; pod nauch. red. A. Smirnova. Moskva : Izd. dom Vyshej shkoly jekonomiki, 2021. 368 s.
19. Shushpanova I. S. «Postpravda» v social'noj real'nosti: riski i ugrozy» = Post-truth» in social reality: risks and threats // Sociologicheskie issledovanija. 2018. № 12. S. 94-104. URL: <http://socis.isras.ru/article/7464> (Data obrashhenija: 03.03.2021).
20. Jeidel'man D. «Postpravda» – slovo goda» = Post-truth» – word of the year // ReLevant. Portal aktual'noj analitiki. 02.12.2016. URL: <https://relevantinfo.co.il/post-truth/> (Data obrashhenija: 03.03.2021).
21. d'Ancona Matthew. Post-Truth: The New War on Truth and How to Fight Back. London : Ebury Press, 2017. 176 p.
22. Ball James. Post-Truth: How bullshit conquered the world, London : Biteback Publishing: 2017. 207 r.
23. Barrera Rodriguez O. Facts, Alternative Facts, and Fact Checking in Times of Post-Truth Politics (July 1, 2019) / O. Barrera Rodriguez, S. Guriev, E. Henry, E. Zhuravskaya // Journal of Public Economics. Forthcoming. URL: <https://ssrn.com/abstract=3004631> (Data obrashhenija: 03.03.2021).
24. Davis Evan. Post-Truth: why we have reached peak bullshit and what we can do about it. New York : Little, Brown, 2017. 368 r.
25. Deacon Michael. In a world of post-truth politics, Andrea Leadsom will make the perfect PM // The Telegraph (09.07.2016). URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/2016/07/09/in-a-world-of-post-truth-politics-andrea-leadsom-will-make-the-p/> (Data obrashhenija: 03.03.2021).
26. Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016/> (Data obrashhenija: 03.03.2021).

Статья поступила в редакцию 17.08.2021; одобрена после рецензирования 10.09.2021; принята к публикации 25.09.2021.

The article was submitted on 17.08.2021; approved after reviewing 10.09.2021; accepted for publication on 25.09.2021.